

структура средневекового общества очень сложна и иерархична. Характерной чертой средневековья была корпоративность общества снизу доверху. Люди объединялись в сельские общины, городские коммуны, ремесленные цехи, купеческие гильдии, монашеские и рыцарские ордена, религиозные братства, кровнородственные союзы и патриархальные семейные группы. И все эти сословные, социальные, корпоративные и родственные объединения имели свои обычаи и обряды, значительно различавшиеся как по форме, так и по содержанию.

Э. А. Иванова

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ БОЛГАР НА ЭТАПЕ ПЕРЕХОДА ОТ НАРОДНОСТИ К НАЦИИ

В последние два десятилетия в связи с широко развернувшимися исследованиями проблем становления и развития наций отмечается все возрастающий интерес к исследованию национального (этнического) самосознания. Этническое самосознание выполняет важные функции в сфере общения, труда и международных контактов, играет существенную роль в социально-исторических процессах современности. Этими проблемами занимаются историки, философы, этнографы, социальные психологи, социологи.

Особенности этнического самосознания ярче раскрываются в переломные моменты истории этноса, такие, например, как переход от феодальной народности к нации. В случае, когда нация формируется на базе единой народности, т.е. в результате внутриэтнической консолидации, процесс преобразования этнического самосознания прослеживается особенно наглядно¹. В предлагаемой статье мы рассмотрим подобный тип этносоциального развития в варианте, когда нация создается из народности с неполной социальной структурой, не имевшей собственной государственности в условиях иноземного господства. В таких условиях, в частности, шло формирование болгарской буржуазной нации в XVIII—XIX вв. Этот процесс был осложнен еще одним обстоятельством: болгарский народ до 1870 г., т.е. почти до конца пребывания в составе Османской империи (1878 г.), не имел собственной религиозной организации: болгарская церковь подчинялась Константинопольской патриархии. Светские школы находились в ведении последней, преподавание долгое время велось преимущественно на греческом языке. Патриархия оказывала влияние и на другие сферы духовной жизни, проводя политику эллинизации в интересах молодой греческой буржуазии, которая с начала XIX в. уже активно конкурировала с болгарской на рынках империи и Европы.

Изучение развития национального самосознания у народа, не имевшего собственной государственности и собственной религиозной и культурной организации, представляет, на наш взгляд, большой теоретический интерес.

Болгарская буржуазная нация начала формироваться в обществе в основном аграрном, в условиях развернувшейся антифеодальной борьбы болгар против чужеродной политической власти. В этом состояла еще одна особенность условий создания болгарской нации, оказавшая немалое влияние на формирование ее этнического самосознания.

Ввиду недостаточной разработанности в научной литературе проблемы становления национального самосознания болгар и учитывая масштабность этой проблемы, автор настоящей статьи ограничился рас-

¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. С. 287.

смотрением двух основных, с его точки зрения, аспектов: эволюции представления болгарского народа о критериях его общности и отличия от других этносов; изменения соотношения этнического самосознания с другими формами общественного сознания, особенно с религиозным и классовым, а также связи этнического самосознания с представлениями об общности происхождения и исторического развития.

Решение первого из поставленных вопросов предполагает прежде всего сопоставление особенностей этнического самосознания болгар на стадии народности и нации. Это сопоставление основывается на известном положении, что этническое самосознание занимает одно из основных мест среди факторов, способствующих устойчивости этнической общности, что оно представляет собой неотъемлемый компонент и непререкаемое условие функционирования каждого этноса². К тому же по своей природе этническое самосознание обладает иерархической структурой, выражающейся в диалектическом единстве представлений разных уровней и отражающей в конечном счете условия формирования соответствующей этнической общности³. Само этническое самосознание можно интерпретировать как совокупность представлений об этнической самоидентификации членов данной этнической общности. Эти представления формируются в условиях непрерывного этнического сопоставления с другими этносами, т.е. этнической антитезы, и проявляются в разных областях культуры этноса. Главный же эмпирический показатель их существования — наличие внутреннего для этноса самоназвания (так называемый эндоэтноним). Критерии, согласно которым члены этноса отбирают и осмысливают определенные значимые признаки своей общности, выступают и в качестве критериев их самоидентификации.

Социально-историческая обусловленность развития этнического самосознания выдвигает в качестве основной проблему исторического содержания и эволюции осмысления тех этнических признаков, которые (вслед за социально-экономической основой нации) определяют ее специфику. Начало возникновения экономического единства на основе изменений в аграрной структуре, активизации ремесел, внешней торговли и внутренних торговых связей, появление и развитие промышленности (главным образом в виде рассеянной мануфактуры) вместе с зарождением новой буржуазной общественной структуры создают социально-экономическую основу для появления новой ступени этнической общности болгар: начинается процесс превращения болгарской феодальной народности в этносоциальную общность нового типа, со специфическими духовными параметрами, включая самосознание⁴.

Османское завоевание в конце XIV в. нарушило систему территориальных, политических, экономических и этнокультурных контактов и связей, на которых основывалась болгарская феодальная народность. С ликвидацией территориальных границ и государственной независимости болгар приостановили свое действие два важных фактора этнического единства⁵ — государственная власть и церковная организация, что парализовало в болгарском обществе активные элементы в системе внутриэтнических коммуникаций, лишило его политических и духовных лидеров. В связи с насильственным насаждением мусульманства среди части болгар утверждались и новые нормы быта, морали, представлений о человеческих ценностях. В условиях Османской империи, где огром-

² Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 173.

³ Литаврин Г. Г. Этническое самосознание южных славян в VI—X вв. (К проблеме формирования раннефеодальных народностей)//История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1978. С. 241.

⁴ Процессы зарождения капиталистических отношений в болгарских землях Османской империи рассмотрены в большом количестве обобщающих работ: см. Гандев Хр. Фактори на Българското Възраждане//Проблеми на Българското Възраждане. София, 1976. С. 23—253; Сб. Българската нация през Възраждането. София, 1980; Гогина К. П. Источники комплектования и генезис буржуазии//Социальная структура общества в XIX в. М., 1982. С. 326—336; Димитров С. Сословия и классы болгарского общества в XVIII—XIX вв.//Там же. С. 259—283 и др.

⁵ В теоретическом плане об этих явлениях см. Бромлей Ю. В. Етнос и этнография. София, 1976. С. 143.

ную роль играла конфессиональная принадлежность, нововоспринятая религия иного этноса внедряется в повседневное сознание, оказывает влияние на развитие отдельных элементов культуры и определяет некоторые особенности дальнейшего исторического развития части болгар, исповедующих ислам. Вследствие всего этого в дальнейшем существенно ослабляется диахронная передача этнической информации⁶. К тому же принудительные или добровольные миграции, разрушение сложившейся системы поселений, формирование новой хозяйственной и административной структуры ослабляют культурное единство болгарской этнической массы. Обыденное сознание болгар быстро реагирует на эти изменения и еще в начале XV в. отражает новые условия этнического существования. Это прежде всего касается судьбы этнонима «болгары». В официальной османской и международной документации с начала XV в. по отношению ко всем покоренным балканским народам христианского вероисповедания стали применяться более обобщенные названия, такие, как «румилет», «греки», «греко-православные», «ортодоксы»⁷.

Самоназвание «болгары» устойчиво сохраняется во всех видах болгарских письменных памятников XV—середины XVIII в.: в авторских и анонимных литературных сочинениях, в отрывочных письменных свидетельствах, в фольклоре, антропонимике и ономастике, а также в османских налоговых реестрах. В XV—XVIII вв. отмечаются две тенденции употребления производных от этнонима «болгарин»: с одной стороны, он утверждается в качестве собственного имени, с другой — число вариаций употребления собственного этнонима в источниках увеличивается. Надо сказать, что это было характерно и для предыдущего периода, но в меньшей степени.

Первая тенденция прослеживается еще в XV в. (имена типа «Герасим, называемый Болгарином», «Деде Болгарин», «Кольо Болгарин» и др.; зафиксированы этнонимические имена болгарских поселков в чужой этнической среде и даже наличие собственно этнонимических личных имен — типа «Болгар» — в качестве мужского собственного имени⁸). Этноразграничительной функцией обладают также чужие этнонимы, не используемые болгарами для обозначения представителей иных этносов в болгарской среде. Хр. Гандев выявил около 80 случаев употребления в XV—XVI вв. этнонимов «сербы», «греки», «албанцы» (арнау-ты), «немцы» и др. в качестве личных имен типа «Стойко Серб» и «Радостав Аламан», «Петр Грек» и т. п.⁹ Отмечены также названия поселений аналогичного типа в районах, населенных болгарами: «Валашское село» (в области г. Враца), «Сербине» (в Центральной Болгарии), «Татарское» (на Дунае) и т. п.

Католики и павликиане болгарского происхождения также называют себя «болгарами». Это касается как передовых, высокообразованных болгар-католиков: П. Богдана, И. Маринова, Ф. Станиславовича, П. Парчевича и др., так и рядовых католиков-болгар — переселенцев в Трансильванию и Банат в XVII—XVIII вв.¹⁰ Во всех жанрах народных песен того времени этноним «болгары» употребляется чаще всего как добавление к личному имени героя, реже — самостоятельно: «Гина Бол-

⁶ Ср. Арутюнов С. А., Чебоксаров П. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. 1972. 2. С. 8—30.

⁷ Георгиева Цв. Етнонимът българин в системата на българската историческа памет през XV—XVIII вв. // Изследвания в чест на проф. Хр. Гандев. София, 1983. С. 164—165.

⁸ Гандев Хр. Българската народност през XV в. Демографско и етнографско изследване. София, 1972. С. 289; Колев И. Личните и фамилни мъжки имена в с. Караново, Новозагорско, от края на XVII в. до Освобождението като отглас на държавната традиция // Българската нация през Възраждането. София, 1980. С. 569.

⁹ Гандев Хр, Указ. раб. С. 290—292.

¹⁰ Милетич Л. Из историята на българската католическа пропаганда в XVII в. // Български преглед. 1894. № XI. С. 10—11; Милев Н. Католическата пропаганда в България през XVII в. София, 1914. С. 123.

гарка», «Гюро Болгарин», а также в расширенных антропонимах, обладающих оценочным смыслом, типа «Рада, белая болгарка», «Гина, молодая болгарка» и др.¹¹ Эти этнонимические антропонимы записаны преимущественно в Македонии; в фольклорных материалах из центральных районов болгарской земли они встречаются реже.

Применение собственного этнонима для персональной характеристики отдельных лиц выражает соотношение коллективных черт болгар как общности с индивидуальными качествами ее членов. Употребление этнонима в качестве личностной характеристики в областях с некомпактным болгарским населением или в пограничных районах свидетельствует о стремлении к этническому обособлению болгар от соседних народов, с которыми они связаны общностью происхождения, исторических судеб и религии.

Вторая тенденция в развитии этнонима в период до национального возрождения — увеличение числа смысловых вариантов употребления прилагательных, образуемых от собственно этнонима. В начальный период османского господства слово «болгарский» чаще всего соотносится с элементами государственно-политической характеристики народности — царями, князьями, землей, войском. Такое употребление собственного этнонима встречалось еще в IX—X вв.¹² и, видимо, сохраняется в начале османского владычества. Язык, религия и другие этнокультурные определители болгар, которые до порабощения назывались чаще всего «славянскими», в XV в. этнически не определяются. Но в ограниченной собственно этнической терминологии XVI и XVII вв. прилагательное «болгарский» применяется уже к понятиям как политическому, так и этнокультурного содержания¹³. В начале XVIII в. отмечается еще большая вариативность употребления этнонима. В фольклоре того времени собственным этнонимом определяются понятия, обозначающие преимущественно политические и демографические параметры этнической общности, например «болгарская земля», «болгарский царь», «болгарские матери» и др.¹⁴

Наличие собственного этнонима в источниках до национального возрождения свидетельствует о том, что самоназвание сохраняется членами болгарской народности во всех областях ее этнической территории; оно продолжает служить признаком, объединяющим внутри и различающим вовне¹⁵. Самоназвание — показатель осознания болгарями собственной этнической обособленности¹⁶. Употребление собственного этнонима как эндонима, противостоящего «внешним» этнонимам преимущественно религиозного происхождения («ортодоксы», «мусульмане»), активизируется в результате спорадического (во внутренних областях) и повседневного (в пограничных) противопоставления болгар туркам и другим соседним народам. Чувство этнического отличия проявляется особенно ярко в чужой этнической среде, где болгары отделяют себя от окружающих людей именно посредством этнонима. А в своей этнической среде таким же путем, посредством употребления чужого этнонима, они отделяют представителей чужих этнических общностей.

Толки христианской религии (православие, католицизм) не нарушали этнической целостности болгарского народа.

До конца XIV в. в самоназвании осмысливались и отражались объективно существующие признаки этноса. Исходя (на этой стадии анализа источников) лишь из словосочетаний, куда входил собственный этноним, можно утверждать, что до середины XVIII в. в качестве основных признаков этнической принадлежности у болгар выступали

¹¹ Стоилов А. П. Показалец на печатаните през XIX в. български народни песни. Т. I—II. София, 1916—1918 гг. С. 286. Т. II. С. 134, 145, 285, 770, 821, 832, 902.

¹² Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII — первая четверть X в.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982. С. 73.

¹³ См., например, Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1970. С. 91, 195, 268 и др.

¹⁴ Стоилов А. П. Указ. раб. Т. I. С. 33, 43, 483; Т. II. С. 66, 309, 578, 911, 954, 1043.

¹⁵ Никонов В. А. Этнонимы. Сб. статей. М., 1970. С. 5.

¹⁶ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 180.

территория (в представлениях о «болгарской земле, областях, пределах»), государственность («болгарское царство, царь, князья, города, войско, воевода»), язык («болгарские книги, фольклор, язык»), религия («болгарская церковь»), психика («болгарская душа»). Это показывает, что вопреки нарушенной связи между государством и этносом этническое самосознание болгар продолжает отражать важнейшие государственно-политические и этнокультурные признаки народности. Представления обо всех этих явлениях, выступавших в качестве компонентов этнического самосознания, служили основой для взаимной идентификации болгар как на уровне этнической общности, так и на уровне индивидуальности.

Но с конца XIV в. болгарская феодальная народность приостанавливает свое развитие как этносоциальный организм, так как нарушаются ее основные социальные элементы — государственно-политическая и экономическая общности. Поэтому компоненты этнического самосознания болгар XV — середины XVIII в. не совпадают полностью с объективно существующими признаками феодальной народности; осмысливаются прежние исторически реальные этнические определители. Этот факт подводит к выводу о решающей роли исторической памяти в иерархии структурных элементов этнического самосознания болгар в условиях иноэтнического господства.

Каковы же критерии этнической идентификации болгар, внешним проявлением которых являются в указанный период сохраненный собственный этноним и его варианты? Анализ ономастической номенклатуры XV — середины XVIII в., касающейся этнической территории, показывает, что она осмысливается на трех уровнях: как место рождения, местожительство близких людей (типа «Его отчеством было Кратово»); как родной регион, область, где находится родное место (типа «Я приехал из Македонии, отчества моего») ¹⁷, и как родина — целостная этническая территория (типа «Кирилл..., отчество которого из болгарских земель» ¹⁸). В источниках XV — середины XVIII в. преобладает проявление сознания территориальной принадлежности на первых двух уровнях — локальном и региональном. Между ними нет четких границ, они часто смешиваются и представляются как однопорядковые. В этот период основным этнонимическим топонимом является определение «болгарская земля». Реже встречается название «Болгария», употребляемое прежде всего проживающими за границей болгарями. В оба понятия вкладывается преимущественно территориальное содержание. В инонациональной среде и к концу изучаемого периода более ярко проявляются выражения самосознания общенациональной принадлежности по сравнению с локальной и областной. В первой половине XVIII в. с общенациональным содержанием выступает и большая часть «заместителей» этнонимического топонима: «болгарская земля», «отчество» и др.

Представления о собственной государственности поддерживаются до начала национального возрождения отрывочными сведениями о болгарских средневековых правителях, о совокупной массе подданных, о болгарских средневековых городах, войске и военной славе болгар в период до XIV в. — обо всем том, что мы могли бы назвать элементами этносоциального организма. Они особенно сильны в XV в. Но до национального возрождения такого рода воспоминания сохраняются прочно в своей конкретной форме, почти без элементов мифологизации, и тесно связываются с реальной жизнью.

В представлениях болгар об их общем происхождении существенную роль играет слово «род» (мы имеем в виду не этнографический термин, а обиходное употребление слова). В XV—XVIII вв. в его употреблении намечаются две линии. В первом случае оно выступает в качестве «заместителя» собственного этнонима, отражая представление об истори-

¹⁷ Динев П., Кув К., Петканова Д. Христоматия по старобългарска литература. София, 1978. С. 482—483; Иванов И. Указ. раб. С. 105.

¹⁸ Иванов И. Избрани произведения. Т. I. Литература, история, фольклор. София, 1981. С. 354.

ческом родстве болгар (например, в молитве Ивану Рильскому XV в. — «сохранить своих сородников... болгар»¹⁹, в Дриновском сборнике, где говорится о роли Кирилла Философа в просвещении «болгарского рода», о подвигах Ивана Асена, освободившего «болгарский род» от греков²⁰, и т. п.). Забвение широко распространенных этногенетических представлений, а также конкретных воспоминаний о болгарских царях до Бориса²¹ свидетельствует, что источники XV — середины XVIII в. показывают наличие представлений не столько об общем происхождении, сколько об общности исторического развития и судьбы. Вторая линия связана с употреблением слова «род» (в смысле кровно-родственной близости отдельных людей), преобладающего в фольклорных записях²².

В связи с изучаемой проблемой христианская религия в представлениях болгар как собственно этнический признак в условиях османского владычества осмысливалась двояко: с одной стороны, как элемент их этнической обособленности от «нехристиан», с другой — утверждалась взаимосвязь и соотношение между христианским и этническим самосознанием болгар. Оба указанных направления проявляются в особенностях использования тех понятий, которыми обозначается религиозная принадлежность. Официальная замена собственного этнонима названиями религиозного характера, о которой речь шла выше, могла оказаться после завоевания Болгарии стимулом для объединения болгар не по этническому признаку, а по признаку веры, что вообще характерно для средневековых этносов. Выражением этого было бы тождественное употребление этнических обозначений и религиозных. Однако анализ соотношения слов «христианин» и «болгарин» показывает, что эти понятия сосуществуют — обозначают один и тот же объект, используются часто в одних и тех же ситуациях²³. А к концу изучаемого периода их уже дифференцируют в соответствии с этническим признаком (типа «Пока у христиан было благочестивое царство, грек не покорился болгарину и болгарин — греку и греческому царю»)²⁴. Этот факт означает скорее всего, что религиозное сознание у болгар не поглощает «узко» этническое.

Вместе с тем представления о тождественности религиозных и этнических характеристик у болгар говорят о том, что религия играла роль вторичного стабилизатора этноса. Болгары были подвластны империи, в организации которой определяющей являлась конфессиональная общность. Вот почему все покоренные народы, в том числе и болгарский, обособлялись преимущественно по религиозному признаку. Это еще один фактор, способствовавший смешению и отождествлению этнического самосознания и сознания религиозной принадлежности. Вот почему в Болгарии того времени религиозное противопоставление практически нередко служило этнодифференцирующим признаком²⁵.

Интересные результаты дает также анализ количественного и территориального распространения культов болгарских святых в XV — XVIII вв. В этот период относительно устойчив только культ Св. Петки

¹⁹ Цонев Б. Опис на ръкописите и старопечатните книги в Народната Библиотека в София. Т. I. София, 1910. С. 86—87.

²⁰ Там же. С. 432.

²¹ Ср., например, Динеков П., Кувев К., Петканова Д. Боянский, Погановский и Зографский поминальный список болгарских царей. Указ. раб. С. 162—164; Иванов И. Избрани произведения. Т. I. София, 1981. С. 221—224; Гильфердинг А. Соч. Т. I. История сербов и болгар. Кирилл и Мефодий. Обзор чешской литературы. СПб. 1968. С. 270.

²² Стоилов А. П. Указ. раб. Т. II. С. 33, 364, 518, 808 и др.

²³ Иванова Э. Песенный фольклор как источник изучения этнического самосознания болгар эпохи Возрождения//Материалы шестой научной конференции болгарских аспирантов в СССР. М., 1983. С. 322—332.

²⁴ Динеков П., Кувев К., Петканова Д. Указ. раб. С. 505.

²⁵ Генчев Ст. За формирането на национално самосъзнание при липса на самостоятелна държава//България 1300. Институция и държавна традиция. Т. III. София, 1983. С. 525—530; Достян И. С. О некоторых особенностях складывания национального самосознания у балканских народов//Формирование национальных культур. М.: Наука, 1977. С. 224.

Тырновской²⁶. Поскольку эта святая связывается с трагическими событиями болгарской истории, память о ней означает сохранение образа престольного города Тырнова и его защитников и стимулирует историческую память народности. В отношении всех остальных болгарских святых, известных еще со времен независимой Болгарии, включая и святого Ивана Рильского, считавшегося патроном болгарских царей и государства, намечается тенденция сужения объема их культов. Местонахождение новых списков житий (Ивана Рильского, Петки Тырновской, Кирилла Философа, Наума Охридского, Илариона Мыгленского, Иоакима Осоговского, Георгия Нового и Николы Нового) концентрируется в западных и юго-западных частях Болгарии. Таким образом, почитание средневековых собственно болгарских святых как общенародных героев стало территориально и количественно более ограниченным как по сравнению с предыдущим периодом, так и по сравнению с культами общехристианских святых. В XV—XVIII вв. в сознании болгар-христиан общехристианское доминирует над этнорелигиозным.

Особенность формирования самосознания болгарской нации заключается в первую очередь в переосмыслении этнических ценностей, которые были присущи болгарской средневековой народности. Во второй половине XVIII в. появляются первые свидетельства об осознании необходимости религиозной организации по «узко» этническому признаку. Это ярко проявляется в «Истории славяно-болгарской» Паисия Хилендарского (1762 г.), одного из провозвестников болгарского национального возрождения. Соотношение употребления конфессионализма и этнонима в последующий период очерчивает тенденцию к внесению этнического смысла в религиозные названия; постепенно увеличивается число документов, авторы которых рассматривают болгар как часть балканских христианских народов, но часть обособленную и самостоятельную в этническом отношении²⁷. Все чаще подчеркивается роль христианства как объединяющего звена между болгарскими и другими славянами, особенно русскими²⁸. Эволюция религиозных обозначений отражает медленное выдвижение этнического фактора на передний план в общественном сознании болгар того времени.

Этот процесс ярко проявляется в отношении болгар к такому институту, как Константинопольская патриархия. Если рассматривать движение болгар за религиозное обособление от греков с точки зрения отношения к традиционным этническим ценностям, то можно отметить, что с середины XVIII в. перевод на болгарский язык богословских и церковно-служебных книг, сочинений по церковной истории и др. становится реализацией одного из главных направлений борьбы за национальную церковь: «Болгары требуют функционирования христианской религии на своем языке» — вот характерное для зародившейся в первой половине XIX в. в болгарской периодической печати суждение²⁹. Смысл введения родного языка в богослужение не ограничивается пропагандой православия среди болгар, но преследует цель прежде всего продемонстрировать отличие болгар от греков, на языке которых традиционно проводилось богослужение. С другой стороны, возрождаются культы болгарских святых: расширяются регионы их почитания, ярко прослеживается тенденция к повышению оценки их роли в религиозной и общественной жизни болгар. Вместе с тем подчеркивается авторитет болгарских духовных лиц — патриархов, епископов; в противоположность им в источниках проявляются резко негативные характеристики представителей греческого духовенства³⁰. Выше стало оцениваться зна-

²⁶ Гандев Хр. Българската народност през XV в. София, 1972. С. 279—280.

²⁷ См., например, Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1970. С. 488; Цонев Б. Указ. раб. С. 379—381, 416—417; Стоилов А. П. Указ. раб. Т. I. С. 502. Т. II. С. 1003.

²⁸ Христоматия по история на България. Т. II — Българско Възраждане/Съст. Хр. Христов и Н. Генчев. София, 1969. 57. С. 144—145 и др.

²⁹ Любословие. 1846. 24.XI.

³⁰ Цонев Б. Указ. раб. С. 382—386 и др.; Христоматия по история на България. Т. III. С. 182—183, 184—186 и др.

чение церквей и монастырей как хранителей болгарских культурных ценностей³¹.

В общественной практике болгар того времени постепенно формируется чувство религиозной связи, основанной на осознании принадлежности к своему народу. Оно воплощается в идее самостоятельной болгарской церкви и выступает аргументом для отграничения болгар от других православных христиан, в первую очередь от греков. Это можно рассматривать как качественный сдвиг в структуре этнического самосознания.

Претерпевают эволюцию и взгляды болгар на историческое прошлое. С середины XVIII в. болгарские авторы целеустремленно обращаются к политической и культурной истории Болгарии, используя ее для идеологического обоснования права народа на независимость. Многочисленные списки, переработки, компиляции и печатные издания «Истории» Паисия, а также постоянный интерес видных болгарских общественных деятелей к историческому прошлому, которое представляется ими в романтическом свете или осмысливается научно-критически, фиксируют медленный процесс превращения историзма из акта индивидуального сознания отдельной личности первого идеолога национального возрождения Паисия Хилендарского в факт общественного сознания³². Это касается всех элементов историзма как характеристики этнического самосознания, и особенно представлений о болгарской государственности, включающих два суммарных образа: болгарских средневековых правителей и болгарского народа. В исторических сочинениях декларируется или косвенно проводится мысль о традиционно независимом руководстве болгарским государством и народом, о том, что политические и духовные лидеры должны принадлежать к своему этносу. «Народ» становится уже активным участником исторических событий, а личности болгарских царей подаются в духе ренессансной трактовки роли личности в истории: ее качества значимы лишь тогда, когда подчиняются борьбе против сил, угрожающих исторической судьбе своего народа. В патриотической интерпретации Паисия и последующих историков это толкование получает помимо демократического и этническое осмысление — в болгарском происхождении лидеров государства авторы усматривают гарантию выполнения их долга перед народом.

По представлениям деятелей болгарского национального возрождения, языковые, религиозные, исторические и культурные связи в «болгарском народе» имеют свои корни в происхождении болгар. В этой идее четко выделяются два вида представлений: «узко» этническое и общеславянское. Первое проявляется прежде всего в обыденной практике; во многих случаях авторы, указывая на свое происхождение, обозначают его этнонимически, т. е. посредством вариантов словосочетания «болгарский род». Внимание привлекает уже сама семантика этого этнонима. Но историки того времени пытаются раскрыть и этнические корни болгар, найти серьезные доказательства в пользу их «древнего» происхождения.

Что касается уровня общеславянского самосознания болгар, то его развитию особенно способствовали взаимоотношения с Россией как в историческом прошлом, так и в рассматриваемый период, а также вера в освободительную миссию России. Ее популярность среди болгар иллюстрируется существованием личного имени с коренной основой «Рус» (например имена «Руса», «Русин», «Русы»³³, встречающиеся чаще всех имен собственных, образованных из чужих этнонимов), а также тем фактом, что в летописных записях среди упомянутых внешнеполитичес-

³¹ Паскалева В. Развитие на градското стопанство и генезисът на българската буржоазия през XVIII в. // Паисий Хилендарски и неговата епоха. София, 1962. С. 36.

³² Радкова Р. Национално самосъзнание на българите през XVIII в. и началото на XIX в. // Българската нация през Възраждането. София, 1980. С. 213—215.

³³ Стоянов М., Кодов Хр. Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. Т. III. София, 1964. С. 413—422.

ких событий главное место занимают взаимоотношения Османской империи с Россией и с другими государствами³⁴.

Идея родственной близости болгар с другими славянами включает три представления. Первое — осознание особого места болгар среди славян, второе — доказательство исторического права на сопоставление с другими славянскими народами в период XVIII—XIX вв. Третье представление связано с надеждой на помощь со стороны славянских народов, прежде всего русского. Очевидно, что осмысление связей болгар со славянами позволяет говорить о действенном характере славянского самосознания у болгар того времени.

В период болгарского национального возрождения расширяется и этнический смысл тех терминов, которыми обозначается территория расселения болгар. Слово сочетание «болгарская земля», как и в предыдущий период, играет роль географического определения, но название «Болгария» выявляет и тенденцию к совмещению понятий территориальной и политической принадлежности. У Паисия и его последователей оно постоянно имеет политонимическое и этнотерриториальное значение. Новые семантические оттенки приобретает и термин «отечество». Все еще встречается его средневековое употребление в смысле родного места, и эти случаи сравнительно типичны: о «моем отечестве Доростол» пишет П. Павлович еще до середины XVIII в.; один из списков «Истории» Паисия сделан в «отечестве моем, названном Самоков», другой — в деревне Мокреша, «отечестве моем»; третий — оказывается в «отечестве Габрове». «Плевенское бедное отечество» упоминалось в церковной книге даже в середине XIX в., а под припиской к церковному сборнику того времени поставлено имя «Теодор, поп Константинов, отечеством из города Трявны»³⁵.

Но еще в середине XVIII в. Хр. Жефаровича называют «ревнителем болгарского отечества». У Паисия это слово впервые выступает как осознанный символический эквивалент категории, объединяющей территориальный и социальный аспекты болгарского бытия. «Отечество» воспринимается им и как родная земля в целом, и как государственная организация в ее географических рамках. Вопрос о «болгарском отечестве» является у Паисия элементом его идеи национальной независимости, в которую он вносит недвусмысленное буржуазное содержание. В том же смысле он употребляет и слово «Болгария»³⁶. Последователи Паисия разделяют полностью его понимание этих терминов. Они многократно указывают на свою любовь к «отечеству своему» как на важнейший стимул для их деятельности. У литературных и общественных деятелей того времени прочно сформировано и другое понятие — «долг перед отечеством», которое со второй половины XVIII в. неоднократно повторяется.

В народных песнях на поздненсторические сюжеты эпические герои, имена которых восходят к локальным топонимам («Яна Малешевска», «Милка Котленка», «Стоян Софиянец» и т. п.), часто поставлены в один ряд с героями, обозначенными этнонимом типа «Нано Болгарин», «Марко Болгарин». Они действуют в одних и тех же ситуациях и одинаково реагируют на них; сходно и эмоциональное отношение к ним народных певцов. Таким образом, использование в некоторых фольклорных текстах в качестве имен собственных этнонимов вместе с локальными топонимами говорит о том, что сознание принадлежности к той или иной части этноса еще не до конца слилось с сознанием принадлеж-

³⁴ Цонев Б. Указ. раб. С. 341—344, 406—409; Иванов Й. Избрани произведения. Т. I. С. 297—298.

³⁵ Спространов Б. Опис на ръкописите в библиотеката при Светия Синод на българската църква в София. София, 1900. С. 24—25; Цонев Б. Указ. раб. С. 461.

³⁶ Цанев Д. Прояви на национално чувство и съзнание в Българската възрожденска историческа книжнина през първата половина на XIX в. // Българската нация през Възраждането. София, 1980. С. 260; Радкова Р. Указ. раб. С. 204.

ности ко всему этносу, продолжая существовать параллельно с ним. Дифференциация представлений о территориальной принадлежности свидетельствует уже о более высокой ступени развития.

В период национального возрождения продолжают существовать понятия о языке как символе этнического обособления. С этнообъединительной функцией языка и с отношением к нему как к унаследованной от прошлого болгар культурной ценности связывается концепция о его единстве в масштабах всей их этнической территории, о необходимости его повсеместного использования во всех сферах общественной жизни. А в связи с функцией языка как этнического различителя в этот период появляются взгляды о его полноценности, в силу которой он выдвигается в качестве равноправного среди славянских и противопоставляется чужим языкам (в частности, греческому).

Событийное проявление новой ступени этнического самосознания выражается в развернутом на широкой социальной основе движении за независимую от греческой патриархии церковь и за светское образование на болгарском языке и в болгарских школах. Эти движения, в которых отдельные прослойки и классы формирующейся буржуазной общественной структуры участвуют со своими собственными позициями и целями, показывают двойное развитие национального самосознания: вглубь, связанное с формированием его идеологической стороны, и вширь, отражающее внедрение национальных идей в широкие слои болгарского общества. У выдающихся представителей революционной демократии формируется национальная идеология, в которой этнические ценности перерастают в национальные идеалы.

Перерастание этнического самосознания болгар в национальное является элементом трансформации болгарской феодальной народности в болгарскую буржуазную нацию. С развитием экономических основ капитализма и складыванием буржуазной социальной структуры наступает время изменения духовных параметров народности, включая и этническое самосознание. Но это — тема отдельного исследования.

История развития болгарского этноса позволяет выделить отличительные черты этнического самосознания на стадии феодальной народности и показать его связь с тремя другими формами осознания групповой общности: территориальной, политической и религиозной.

1. Осознание территориальной общности до начала XVIII в. отличается тем, что принадлежность к месту рождения или области проживания значит больше, чем принадлежность к целой этнической территории. Ряду слов, которые дошли до нас уже с общетническим смыслом: «Болгария», «болгарская земля», «отечество» — придается локальное содержание. Болгары чаще называют себя и своих соотечественников в соответствии с именами, производными от названий городов и областей, чем от этнонима.

2. Для болгарской народности периода ее зависимого существования характерно обращение к таким этнополитическим характеристикам болгар, которые не являлись уже тогда объективными признаками их этнической общности, — представлению о собственной государственности, о своих царях, войске и славном прошлом. При отсутствии государства у данного этноса и существовании его в рамках этнически чуждого государственного организма бытование подобных представлений возможно лишь, когда сохраняются преемственность культурных традиций и историческая память, играющие определенную роль в складывании этнических представлений. Эта особенность самосознания болгарской народности, сохранение памяти о прежних (реальных) этнических определителях говорит о прочности самосознания болгарской народности, что со своей стороны объясняет и факт сохранения этнической самобытности болгар в условиях зависимого существования.

3. Чувство конфессиональной общности характеризуется у зависимой народности преобладанием приверженности к христианской религиозной макрообщности, в которую входят разные народы. Приоритет общерелигиозного перед этнорелигиозным отражается прежде всего в

большем распространении культов общехристианских, чем болгарских святых.

4. Важной особенностью этнического самосознания болгарской народности является тот факт, что оно целенаправленно поддерживалось ограниченным кругом представителей духовной элиты, хотя и было присуще обыденному сознанию широких масс.

В связи с этими особенностями донациональной ступени этнического самосознания процесс формирования самосознания болгарской нации идет по пути расширения представлений о локальной принадлежности и постепенного наполнения локальных топонимов общезнаменитым содержанием, т.е. по пути движения от местного и областного к общезнаменитому. Этнотерриториальный компонент самосознания болгарской народности проявляется особенно четко, вероятно, потому, что единственный признак социальной общности болгар после завоевания турками — это территориальное единство болгарских земель в рамках Османской империи. В условиях перехода от народности к нации более низкая его ступень — сознание принадлежности к региону и локальному поселению — постепенно теряет свое значение. Некоторые из областных и локальных самоназваний отпадают, другие же наполняются общезнаменитым смыслом.

Формирование национального самосознания происходит вначале в теснейшей связи с эволюцией религиозных представлений, благодаря чему из общерелигиозной связи выделяется собственно этническая. В обстановке чуждого политического господства этнически определенная религиозная общность в большой степени выражает представления о независимости общности этнической. Вот почему правомерно рассматривать создание болгарской экзархии в 1870 г. и определение ее границ до середины 70-х годов XIX в. путем народного плебисцита как проявление сформировавшегося и действующего национального самосознания, которое еще ярче и убедительнее выражается в революционных акциях болгар до их освобождения в 1878 г., которые имеют национально-освободительный и массовый социально-политический характер.

Параллельно с указанными тенденциями национальные идеи внедряются в прослойки и классы болгарского общества, что сопровождается оснащением этнического самосознания классовыми мотивами. Эта новая ступень самосознания характеризуется массовостью, а в своих зрелых формах — классовой спецификой.

А. И. Карагодин

УНАГАН БОГОЛЫ

[ОБ ЭВОЛЮЦИИ ФОРМ ЗАВИСИМОСТИ У МОНГОЛАЗЫЧНЫХ КОЧЕВНИКОВ]

Возникновение и развитие частной собственности, рост имущественного неравенства среди кочевников, как и вообще у всех народов, сопровождались сложными общественно-политическими процессами, не свойственными первобытно-общинному строю. С одной стороны, наблюдалось разорение общинников, с другой — выделялась и обособлялась собственная знать, знать не только по происхождению (благодаря наследованию общественных должностей), но и по богатству. Знатность без богатства — феномен краткосрочный. С ростом объема общественных функций в том или ином коллективе, что несомненно связано с развитием межплеменной организации, с усилением общения племен, с